

УДК 930:314

К ИСТОРИИ ТАТАР ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ КОНЦА XVII–XVIII ВЕКА

*Г.Х.Самигулов, кандидат исторических наук,
доцент (г. Челябинск)*

История тюркского населения Южного Зауралья изучена весьма слабо, это особенно четко понимаешь, когда пытаешься выяснить, что и как обстояло в XVI–XVII вв. В общем-то даже для XVIII в. ситуация «темна», мы оперируем скорее не знаниями, а образами, а это уже признак дефицита сведений и мифологизации истории. Вопрос изучения на документальной основе процессов, протекавших здесь в XVII–XVIII вв., остро стоит не только для татарской, но и для башкирской истории. Один из путей исследования – продвигаться от более поздних, относительно полно снабженных документами, периодов к более ранним. Именно этот путь я выбрал для того, чтобы попытаться прояснить хотя бы некоторые моменты, связанные с историей татарского населения Южного Зауралья. В предлагаемой статье будет рассмотрено формирование локальных групп татар преимущественно на северо-востоке современной Челябинской области (Кунашакский район) и на западе Курганской области (Сафакулевский район) в конце XVII–XVIII вв. В значительной степени эта статья является обобщением, точнее, сведением вместе, материалов, опубликованных ранее. Но, с другой стороны, – это статья-исследование, поэтому легкого чтения не обещаю. И того, что написанное ниже совпадет с вашими представлениями, пообещать тоже никак не могу. Еще одно необ-

ходимое замечание: поскольку это статья, а не монография, то дать здесь подробное изложение некоторых вопросов просто нереально. В частности, описание характера вотчинного землевладения и форм взаимоотношений с вотчинниками, вопрос о башкирских восстаниях и ряд других тем общего характера, имеющих важное значение для раскрытия темы статьи, но не помещающиеся в ее рамки, будут даны тезисно.

Представляется, что в XVIII в. этнические процессы Южного Зауралья следует рассматривать не как взаимодействие этносов, а как взаимодействие этносословных групп. Эта идея вовсе не является новой – о сословном характере групп татарского населения в Приуралье и Зауралье пишет, в частности, Д.М. Исхаков¹. Но проблема в том, что эти сословные группы в его описании имеют «ровную» этническую окраску, или, иначе говоря, представляют собой моноэтничные сословные группы. На мой взгляд, это не совсем так: сословие по своему характеру внеэтнично. То есть сословие – это группа населения, отличающаяся от прочих набором прав (привилегий) и обязанностей. С точки зрения человека современного, «мещеряк» это принятая в дореволюционной практике форма написания слова «мишар», однако в ситуации Южного Зауралья XVII, а особенно XVIII в. выражение «служилый мещеряк» обозначало при-

надлежность именно к этносословной группе. Понятия «ясачные татары», «служилые мещеряки», «служилые татары» являются, в основе своей, определениями сословными, поскольку речь идет о группах, обладавших определенными, присущими им правами и обязанностями. Представляется, что воспринимать состав этих групп как моноэтнический для XVIII века в принципе неверно. Несомненно, в составе каждого такого коллектива (общности) были представители «базового» этноса, составлявшего основу каждой такой группы. Однородность этого «базового» компонента могла быть довольно условна. А помимо представителей основного народа в состав сословной группы могли входить (и входили) самые разные люди.

При всем этом выражения «служилый мещеряк» и «служилый татарин» вроде как должны быть взаимозаменяемыми, поскольку и те и другие относились к представителям служилого сословия. Возможно, они таковыми и являлись. Но поскольку в документах того времени используются совершенно конкретные выражения, я не буду отступать от контекста. К тому же известны ситуации, когда ичкинские служилые татары категорически заявляли, что они не являются мещеряками. Иначе говоря, выделение в статье «татар» и «мещеряков» в качестве отдельных групп обусловлено их раздельным обозначением в документах. Следование языку документов позволит избежать подгонки материала под наши сегодняшние стереотипы. Необходимое примечание: тептярей на рассматриваемой территории практически не было, так уж сложилось. Чуть севернее – в Красноуфимском уезде, западнее и южнее – в Троицком, Верхнеуральском уезде тептярей было довольно много. А на востоке Исетской провинции не сложилось.

В конце XVII – начале XVIII вв. татары в Южном Зауралье жили преимущественно на территории башкирских волостей, при этом основания для проживания у разных групп могли несколько отличаться. Права пользования или владения землей формировались в русле двух направлений: 1. Традиционная система взаимоотношений вотчинников и пришлого населения; 2. Государственная система регулирования прав на землю. Начало первой проследить сложно, а существовала она вплоть до Октябрьской революции и произошедших, в связи с ней, изменений в государственном и общественном устройстве. Вторая (применительно к Южному Уралу в составе Российского государства) начала формироваться с последней трети XVI в.

Традиционной для Южного Урала являлась форма «припуска» отдельных людей (семей) или целых групп на вотчинную землю. Характер припуска также мог быть разным. В одних случаях основанием служил устный договор, как в случае с припуском башкирами Каратабынской волости башкир-айлинцев, или жителями Сальютской и Мякотинской волостей бушкурцев и катаяцев. Могли пустить людей на землю по письменному договору без предварительных условий и платы, с тем условием, что в дальнейшем припущенники наравне с вотчинниками выплачивают ясак и несут все повинности, но также наравне пользуются всеми вотчинными угодьями. Была форма припуска с одновременным взиманием платы при заключении договора, а дальше все как в предыдущем случае. Так договорились сарты с башкирами Мякотинской волости – уплатили 100 рублей, а в дальнейшем пользовались правами и несли обязанности наравне с вотчинниками, за исключением прибыли со сдаваемых в аренду озер,

ею вотчинники с припущенниками не делились. Еще существовал припуск из оброка по устной договоренности, когда с каждого двора пришлых взималась определенная плата за право пользования пахотной землей, покосами и пастбищами. В этом случае конкретных границ угодий, которыми могли пользоваться пришлые, обычно не оговаривалось. Уже в 1740-х гг. возникает припуск из оброка с определением границ участка, которым могут пользоваться припущенники, причем вотчинники этой территории не касаются. Такой договор заключили с башкирами Мякотинской волости служилые мещеряки деревни Тюбук в 1744 г., о чем будет рассказано ниже. Надо отметить, что последние два варианта припуска касались, преимущественно, «чужих», то есть пришлых издалека, а турки из соседних или недалеко отстоящих волостей могли жить на землях других волостей без особых условий.

Башкирские земли, как и прочие «инородческие» вотчинные земли, были защищены законом. В статье 43 XVII главы Соборного уложения 1649 года было сказано: «А в городех у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у чуваша, и у черемисы, и у вотяков, и у башкирцов, бояром, и окольников, и думным людем, и стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и из городов дворяном, и детем боярским, и всяких чинов русским людем, поместных и всяких земель не покупати и не меняти и в заклад и здачею и в наем на многия годы не имати. А будет которые московские и из городов дворяне и дети боярские, и всяких чинов люди учнут в городех у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у всяких ясачных людей земли имати з дачею, или покупати, или в заклад, или в наем на многия лета имати, или меняти, и у тех всяких чинов людей те татарския поместныя и ясачныя земли

имати на государя, да им же за то от государя бытии в опале»². То есть вотчинные земли запрещалось покупать, либо арендовать на долгий срок. В течение долгого времени эти положения Соборного уложения применительно к башкирским землям соблюдались, но 11 февраля 1736 г. Анна Иоанновна подписала указ, разрешавший отчуждение земель башкир, принимавших участие в восстании, и покупку башкирских земель офицерам, дворянам и мещерякам³. Собственно этот указ и положил начало активному переходу башкирских земель в собственность, либо в долгосрочную аренду заводчикам, прочим частным лицам. Система государственного регулирования (или наделения землей) активно развивается на Южном Урале как раз после выхода этого указа. В том числе происходило перераспределение некоторых территорий в пользу отдельных групп тюркского населения, как татарского, так и башкирского. Об этом будет сказано ниже.

Еще одним фактором, постоянно присутствовавшим в жизни Южного Урала с середины XVII века до 1770-х гг., были восстания местного населения. Рассматривать здесь подробно эту тему не получится, да это и не входит в задачи этой статьи. То, что наработано на день нынешний, можно прочесть в соответствующих книгах⁴. Однако дать хотя бы краткое описание ситуации стоит. Первое масштабное восстание началось в 1662 г., его традиционно называют башкирским, но в реальности в нем принимали участие представители многих народов, как местных, так и переселенцев – башкиры, вогулы, черемисы, чуваша, мещеряки, татары. Однако основной силой восстания, той группой населения, которая упорно отказывалась прекратить борьбу, были так называемые «выезжие татары» – потомки тех жителей Южного

и Среднего Зауралья, которые после разгрома Сибирского ханства ушли на юг Сибири, к Кучуму и оставались с ним, а после его гибели с его потомками – Кучумовичами. Ушло большинство из рода сырян, часть рода табын⁵, мякотинцы⁶. Документы начала XVII в. свидетельствуют, что представители этих племен составляли основу лагеря Кучумовичей⁷. К середине XVII в. имена Кучумовичей или «царевичей» все чаще упоминаются в связке с калмыками. Очевидно, роль основных союзников сначала сыроев, а впоследствии внуков Кучума начали играть калмыки – более могучая сила в зауральских степях того времени, что могло не устроить потомков «улусных людей» сибирского хана – сырян, табынцев и мякотинцев. Да и сама борьба все больше теряла смысл – возродить Сибирское ханство не получилось, и перспектив особых в действительности не было. Где-то на рубеже 1650-х–1660-х гг. представители этих племен, или значительная их часть, покинули лагерь Кучумовичей и вернулись на прежние жилища – на Исеть и ее притоки⁸. И обнаружили, что в их отсутствие их земли были заселены как русскими, так и представителями других народов. В документах эти вернувшиеся люди именуется «выезжими татарами»⁹ или чаще «выходцами»¹⁰, значение эти выражения имеют одно и то же – выехавшие или вышедшие из степи, от Кучумовичей или калмыков, как обозначено в грамоте 1662 г.: «...вышли на наше великого государя имя и били челом великому государю, чтоб им жить на старых своих жилищах...»¹¹. Далеко не все выходцы были потомками людей, ушедших к Кучуму, большая часть ушла в степь гораздо позже. Но прежние жители земель по Исети и ее верхним притокам, очевидно, составляли большинство. Насколько можно судить по опубликованным докумен-

там, массовый характер возвращение на родные места приняло в 1710 г. от сотворения мира или в конце 1661 – начале 1662 гг. от Р.Х.¹². Основная масса «выходцев», скорее всего, выехала из степи осенью 1661 г. и зимовала под Далматовым монастырем¹³. Насколько можно судить, во главе «выезжих татар», или «выходцев», на первом этапе восстания стоял Сары Мергень, как значится в одном документе «...а подговаривал де татар воевать Сары Мергенько, который зимовал под Далматовым монастырем»¹⁴, а чуть ранее читаем: «...Выезжие татара, которые выехали на Исеть и стояли под Далматовым монастырем и зимовали»¹⁵. В других документах тот же Сары Мерген назван «уфимским изменником»¹⁶. Для «выходцев» это была борьба за утерянные земли, поэтому это первое действительно массовое восстание отличалось такой жесточечностью и продолжительностью. Затухая и вспыхивая вновь, восстание продолжалось с 1662 по 1669 г. Большая часть русских поселений по Исети была сожжена в 1662 г.: Далматов монастырь, Царево Городище, Барневская слобода, Катайский острог, Невьянский Покровский монастырь, Чусовская, Белослудская, Усть-Ирбитская, Мурзинская и Киргинская слободы¹⁷. Разные авторы по-разному определяют временные границы восстания – до 1664 г., до 1667 г., до 1669 г.... После этого, первого массового, выступления восстания возникали с периодичностью 15–18 лет. Практически каждое новое поколение было «окрещено» в пламени войны. Но каждое восстание отличалось от других – в одних случаях практически все «нерусские» народы, проживавшие от Поволжья до Западной Сибири, выступали вместе, в других – чуваша и марийцы, мещеряки и татары поддерживали власти и оказывались по разные стороны баррикад с башки-

рами. Хотя это, конечно, упрощенное изложение, поскольку полного единодушия не было ни у кого. Часть башкир (обычно весьма значительная) не принимала участия в борьбе, также и прочие «иностранцы» могли оказаться в разных лагерях. Но мы не имеем возможности рассматривать эти вопросы подробно.

С восстаниями было связано еще одно явление, так называемая «вольница». Вольницей называли отряды, набранные из крестьян, которые занимались борьбой с восставшими. В такие отряды могли входить крестьяне из слобод, пострадавших от набегов повстанцев, либо просто добровольцы. Участники таких отрядов обычно не особенно озадачивались поисками действительных «изменников», и пострадать от них могли жители любых тюркских селений (и не только тюркских). Помимо мести, основным движителем «вольницы» была добыча – все, что они находили в селениях, распределялось между ними. Зачастую жертвами действий вольницы становились люди, не имевшие отношения к боевым действиям, и это автоматически увеличивало число противников российской власти и русского населения. Причиной создания вольницы было недостаточное количество частей регулярной армии, которое не позволяло контролировать огромные территории, охваченные боевыми действиями.

Одна из самых «загадочных» групп тюркского населения Южного Зауралья – ичкинские татары. Первоначальная область их расселения в Южном Зауралье – на речке Ичкин, притоке р. Исеть. Отсюда собственно и название «ичкинские». В середине XVIII в. часть из них переселяется на оз. Альменкуль (Могильное) и прилегающие территории, сегодня это территория Альменевского района Курганской области. Территория этой

группы ичкинских татар показана на карте конца XVIII в.¹⁸. Об их истории, как и об истории других групп, о которых говорилось выше, известно очень мало. В опубликованном в «Истории Курганской области» пересказе рукописи, составленной в конце XIX в. жителем Альменево Рамазаном Таиповым в конце XIX – начале XX вв., формирование ичкинских татар изрядно мифологизировано – их появление в Зауралье отнесено к XVI веку¹⁹. Можно добавить, что сейчас популярны еще более веселые версии, согласно которой ичкинские татары живут на Исети с начала XV века... Из источников, близких по времени к описываемым событиям, мы имеем записки академика П.С. Палласа, который проехал по нескольким маршрутам в Южном Зауралье в 1770–1771 гг. и записал информацию о происхождении ичкинских татар в двух деревнях – Альменкуль (Могильной) и Ичкиной (на Исети). В 1770 г., проезжая по Исети, он записал: «Напротиву того дорога предлежала мне по левой стороне Исети по степи чрез село Масленское, деревню Ичкину над ручьем такого же имени, от коего наречены и прочия деревушки оселенныя Татарами, происходящими из поколения Казанских и здесь во первых поселившихся в развалившийся Мехонский острог»²⁰. Если перевести на современный язык, то получается, что первоначально татары поселились в Мехонском остроге. Это вполне возможная ситуация – Мехонский острог был основан в 1658–1659 гг., т.е. в самом начале русского расселения на Исети. В первые остроги по Исети неохотно шли крестьяне из русских слобод Зауралья и значительную часть их первоначального населения составляли татары, мари́йцы и чуваша²¹. Часть татар, поселившихся в острогах, обрусела, но далеко не все, а скорее, даже не большинство. В подтверждение

этого можно привести материалы из сыска тобольского дворянина Ивана Полозова 1695 года. В описании Катайского острога значится лишь двое русских татарского происхождения²², один из которых, Осип Трофимов сын Мурзин, был потомком мурзы алатырских татар²³. А в сентябре 1660 г. приказчик Катайского острога Панкратий Перхуров рапортовал о том, что за 1657–1660 гг. в пахотные крестьяне в острог прибрано 5 семей русских крестьян и 36 семей татар и черемис (марийцев)²⁴. Очевидно, большая часть нерусского населения расселилась деревнями на землях, отведенных Катайскому острогу.

Возвращаясь к ичкинским татарам, надо сказать, что архивных материалов, освещающих их историю, до сих пор опубликовано ничтожно мало. Я постараюсь здесь проанализировать документы, введенные в оборот генеалогами и выявленные мной в ходе работ в архивах. В «Переписной книге Тобольского уезда», составленной стольником Львом Поскочиним в деревне Ичкиной, показаны «промышленные татарова казанцы и иных городов»²⁵. Всего там жило 7 семей оброчных татар, пришедших из Казанского, Симбирского, Кадомского и Свияжского уездов в 1667–1668, 1679–1680 гг. Большая часть (4 семьи) пришла в 1679 г. (1670–1671 гг. по современному летосчислению)²⁶. Характерно, что в итоговой части переписи по Мехонской слободе с деревнями жители деревни Ичкиной названы «ичкинскими татарами»²⁷. Но выяснилось, что все не так просто и земля Ичкинской деревни в 1677–1678 гг. была пожалована тобольским служилым татарам – «тобольския служилыя татарова Аптышка Сейдяшев з братьями с Чемейком с Бакитком с Кушаметком с Тюлячком»²⁸ (или Сейдяшевым – встречается и то и другое написание). В той же переписи

Поскочина описаны границы земель и указано, что в деревне Ичкиной живут дворовые люди (холопы) Сейдяшевых, купленные ими калмыки, женатые на «калмыцких же девках»²⁹. Кроме земель по обеим сторонам речки Ичкин, братьям Сейдяшевым для рыбной ловли и сбора хмеля были даны земли по Тоболу от речки Черной до Юргамыша, включая притоки, старицы и озера³⁰.

В 1710 г. в Ичкинских юртах числится 47 дворов, в которых живут 24 драгуна (отставных и служащих), 3 казачьих сына, 11 оброчных татар и пришлые татары. В числе прочих есть двое Сейдяшевых – отставной драгун Кулаш и казачий сын Тюляк³¹. Насколько можно судить, Тюляк – один из братьев Сейдяшевых, указанных в документе конца XVII века. «И всего Ичкинских татар ... 47 юрт в них людей мужеска полу 158 человек женска 131 человек»³². В 1748 г. заверенную выписку о земельных владениях получил Аптигарим Апсалямов (Сейдяшев?) как наследник братьев Сейдяшевых, причем получил не только для себя, но и для всей родни. К сожалению, в деле нет списка родственников, от имени которых действовал Аптигарим. Можно добавить, что сам он служил писарем тобольских служилых татар³³. Отметим, что в самом Мехонском остроге татарских дворов в 1710 г. практически не указано. То есть информация, полученная в свое время П.С. Палласом, подтверждается: основная масса ичкинских татар были из служилых людей (драгун) Мехонского острога, которые в конце XVII – начале XVIII в. переселились из острога на речку Ичкин, часть пришлые из Поволжья, появившиеся здесь в последнюю треть XVII века. Не совсем понятно, кто по происхождению Сейдяшевы, но можно предположить, что они из мурз, поскольку это одна из очень немногих семей,

имевших постоянную фамилию как минимум с конца XVII века. Хотя, возможно, закрепление фамилии произошло в связи с пожалованием земли – поскольку земля была пожалована не жителям какой-либо деревни или волости, а конкретно братьям Сейдяшевым, то фамилия Сейдяшев могла сохраняться вынужденно, для отождествления наследников.

Сначала татары из Мехонского острога переселяются в деревню Ичкин, затем, предположительно в 1750-х гг., Исетская провинциальная канцелярия отводит им землю в районе озер Альменкуль, на территории Каратабынской и Баратабынской неразделенной волости башкир. В конце 1760-х гг. Исетская провинциальная канцелярия отмечала, что табынцы «уделением ис той их вотчиной земли во первых ичкинским татарам, а затем катаяцам и протчим людям итак несколько обиду чувствуют»³⁴. Катаяцы получили землю (рядом с ичкинскими татарами) в 1766 г.³⁵ В 1771 г. П.С. Паллас проехал через Альменкуль: «Деревня Могильная, или по-татарски ЕлменКуль... В оной деревне находится до 20 татарских дворов. Сии татара суть роду Ичкинских казаков, которые лет за сто, или как старики меж ними говорят, во время юношества Петра Великаго, пришед из Казанской провинции, поселились в малом числе на реке Ичкане впадающей в реку Исеть, теперь же число их столь умножилось, что составляют почти 200 семей, которые живут рассеявшись по реке Тече и Миясу. Они так же, как и мещеряки, в нужном случае исправляют военную службу, и сего ради свободны ото всех податей и рекрутскаго набора, сеют гречуху, коея семена привезли с собой с Исети»³⁶. Возможно, во время Пугачевского восстания 1773–1774 гг. деревня была разорена и вновь начала заселяться уже в конце 1770-х – начале 1780-х гг. В 1783 г.

в одном из документов указано: «Переселившихся из Ичкинских юрт (то есть с Исети. – Г.С.) в деревню Могильную татар у сотника Исмаила Уразметева 30 дворов»³⁷. Никаких других групп, или деревень ичкинских татар не упоминается. Если бы имелись населенные пункты помимо Альменкуля (Могильной), то вряд ли они были бы упущены в этих документах – списках людей для отправки на линейную (пограничную) службу и переписке по поводу составления этих списков. Точнее, если бы имелись другие деревни, то писали бы просто «ичкинских татар», без указания единственной деревни и упоминания того, что они переселились из Ичкинских юрт... Но процесс переселения шел, видимо, очень активно. В одном из документов 1786 г. перечислены уже три деревни ичкинских татар в Челябинском уезде: «Могильная, Резяпова и Цаликульская»³⁸.

На карте, составленной после 5-й ревизии (переписи населения), которая проходила в 1795–1796 гг., показаны 4 деревни: Ичкулева (Учкулева) – Шабай тож (то есть деревня имела два названия – Учкулева и Шабай), Тузова, Могильная (Альменкуль), Вешнякова – Сорочья тож³⁹. Общее число населения по 5-й ревизии в четырех деревнях указано 415 душ мужского пола, из них в Могильной и Тузовой (вместе) – 235, Вешняковой – 62 и Учкулевой – 118⁴⁰.

Характерно, что, описывая эту группу ичкинских татар, Паллас практически смешивает их со служилыми мещеряками – именно они жили в ту пору по Тече. Можно предположить, что сказался схожий статус – «служилые люди», поскольку и мещеряки, и ичкинские татары относились к служилому сословию, но возможно, что все не так просто. Скорее всего, эта группа сформировалась не в «один присест», а пополнялась новыми

группами переселенцев. Возможно, часть из них также были мишари, на это указывает «цоканье», т.е. замена «ч» на «ц» в названиях: «Ицке» вместо Ичке, Уцкуль вместо Учкуль, или просто Цаликуль⁴¹.

По ситуации на 1761 г. П.И. Рычков писал: «Да в той же провинции (Исетской. – Г.С.) имеется служилых Мещеряков 166, Сарг 31, Калмык Аюкинских 32, итого 229 дворов. Ичкинских татар по переписи 419, да Багаряцких 196, итого 615 душ. Из них Ичкинские и Багаряцкие Татары состояли в полтинном ясаке, но ныне так, как и все башкирцы из ясак выключены»⁴². Эти данные взяты П.И. Рычковым из ответов на анкету Академии наук, составленных в Исетской провинциальной канцелярии в 1761 г.⁴³, поэтому можно считать эту информацию достоверной. Ичкинские татары в тот момент проживали, в большинстве, на Исети. Характерна фраза про ичкинских и багаряцких татар, что они «как и все башкирцы» – имеется в виду, естественно, не этнический, а сословный аспект. То есть еще до создания башкиро-мещеряцкого войска инородческие служилые группы воспринимались в обобщенном виде, как обладающие сходным набором прав и обязанностей. Но при этом, очевидно, имелись признаки, отличавшие их между собой.

Переселившиеся ичкинцы образовали новую волость, которая называлась Могильской, по русскому варианту названия озера и деревни Альменкуль (Могильное). Часть группы оставалась на речке Ичкин, но там происходили события, которые привели к потере вотчинной земли. Очевидно, в последней трети XVIII века недалеко от Ичкинской деревни Сейдяшевы основывают деревню Сибиркину. Впоследствии между Сейдяшевыми и жителями Ичкиной возникает конфликт – ичкинские жители не до-

пускают Сейдяшевых к пользованию угодьями: сенокосами, лесами и пр. Сейдяшевы обращаются в Пермский уездный суд, который принимает их сторону. Но затем последовала апелляция жителей деревни Ичкинской и в конце концов Палата гражданского суда Пермской губернии приходит к выводу, что «поелику земли им были даны единственно для поселения их а не за службу, и потому они есть государственные»⁴⁴. Обращение к министру внутренних дел не помогло – решение Пермского гражданского суда осталось в силе. Земли в окрестностях деревни Ичкиной стали государственными. Насколько можно судить, вскоре эти земли были отданы башкирам, и в 1894 г. речь шла уже о «бывших военных припущенниках казаках деревни Ичкинской» и о владениях «башкир вотчинников деревень Ичкиной и Сибиркиной»⁴⁵. Хотя с тем, что же произошло, предстоит еще разбираться – я не располагаю больше никакими документами по этому поводу, а на основании того, что есть, можно делать лишь самые общие предположения.

Следующую группу татар составили жители деревень, расположенных в нижнем течении рек Синара и Багаряк. По этим поселениям есть довольно подробная информация, которая содержится в одном из спорных дел о территориях между башкирами Салзаутской (Сальютской) волости и Китайским острогом и Багаряцкой слободой. Дело это рассматривалось Главным правлением Казанских и Сибирских заводов, совместно с Исетской провинциальной канцелярией, в 1740-х гг. В числе прочего в материалах содержатся и опросы жителей разных деревень, в которых зафиксировано, с какого времени существует деревня, когда и откуда переселились разные жители. По документальным материалам, самая ранняя из сущест-

вующих сегодня татарских деревень Челябинской области – Усманова. По опросам 1745 г. выяснилось, что первые жители пришли туда, как минимум, за 60 лет до этого, то есть около 1685 г., один из них, Исекай Кадыргулов, в момент проведения переписи был жив, в возрасте 108 лет⁴⁶. С этой деревни, которая в документах XVIII в. часто называется «Асманова», или «Османова»⁴⁷, начинается формирование группы деревень, которая позже получит название «Усть-Багарятские юрты», население которых станет называться «Багарятские татары». Название деревни получила, скорее всего, по имени отца одного из жителей деревни, указанного в списке 1745 г., Зайта Асманова, который скончался за 16 лет до проведения опроса⁴⁸. Всего в деревне Усмановой было опрошено 24 хозяина дворов. Еще три деревни назывались Нижнесинарская, она же Багарятская, Новая, она же Давыдкова (Даутова) и Ключевская (Ключики).

Нижнесинарская располагалась на реке Синаре, чуть выше впадения в нее реки Багаряк, в 1745 г. в ней был 31 двор ясачных татар⁴⁹. Деревня Новая, она же Даутова, она же Дывыдкова, стояла несколько выше по течению Нижнесинарской. На 1745 г. в ней было 24 двора ясачных татар и 15 дворов служилых мишарей⁵⁰. А ниже по течению Нижнесинарской находилась еще одна деревня – Ключевская, или Ключики, а в ней 14 дворов ясачных татар⁵¹. Насколько можно судить, сегодня эти три деревни слились в одно село Усть-Багаряк. Собственно, обобщающее название «Усть-Багарятские юрты» применялось по отношению к трем татарским деревням в нижнем течении Багаряка и Синары еще в 1736 г.⁵², а иногда их обозначали вообще как одну Усть-Багарятскую деревню⁵³.

Поскольку в ходе опроса люди рассказывали, пусть и не подробно,

откуда и когда они переселились в эти деревни, это дает возможность выяснить некоторые интересные детали. Один из жителей Нижнесинарской, Антык Кепак, сказал, что ему семьдесят лет, родился он в деревне Асмановой, а в Нижнесинарскую пришел лет за тридцать до опроса⁵⁴. Если эта информация достоверна, то деревня Усманова существовала уже в 1675 г., правда, называлась она тогда как-то иначе. Уже упоминавшийся Исекай Кадыргулов говорил: «Лет с шестьдесят (назад) переехал без указа где ныне оная деревня Асманова селением состоит и он Исекай живет», причем он был не первым, поселившимся там, поскольку тут же упоминается что «согласясь со своей братьей, протчими таковыми ж татарами»⁵⁵. Да и выше уже говорилось, что Кепак родился в Асмановой за семьдесят лет до 1745 г. Как бы то ни было, похоже, что Усманова (Асманова) – это самый старый из существующих сегодня населенных пунктов Челябинской области, имеющий хоть какое-то документальное подтверждение своего возраста. Характерно, что при межевании русских и башкирских земель на этой территории Исетской провинциальной канцелярией в 1744 г. было рекомендовано обойти межей земли деревни Асмановой, поскольку «она поселением своим тут старинная и прежде еще тутошних русских жил (поселений. – Г.С.)»⁵⁶.

Помимо прочего, в материалах опросов содержится информация о поселениях, которые к тому времени уже прекратили свое существование. Три человека сообщили, что пришли в Нижнесинарскую из деревни Курмашевой, которая раньше стояла на реке Багаряк ниже Усмановой, и к моменту составления документа (1745 г.) уже не существовала. Самому старому из родившихся в Курмашевой и переехавших позже в Нижнесинарскую

было 72 года⁵⁷. На устье Багаряка в самом конце XVII – начале XVIII в. размещались деревни Бабикова и Айметева, которые к моменту проведения опроса также не существовали⁵⁸. Кроме того, в ведомстве Катайского острога в середине XVII в. находилась деревня ясачных татар Кадыргулова, все население которой ушло в Ичкинские юрты во время «башкирского замешательства», очевидно, 1662–1669 гг. Такой вывод я делаю исходя из рассказа Исекая Кадыргулова, поскольку, пожив в ичкинских юртах «лет с тридцать», он пришел в Усманову «назад тому лет с шестьдесят»⁵⁹. Про тридцать лет в Ичкинских юртах – это явное преувеличение, вполне объяснимое, учитывая преклонный возраст рассказчика. В начале рассказа про ичкинских татар я упоминал Катайский острог и крестьян из татар, которые, возможно, жили отдельной деревней (или деревнями). Не исключено, что Кадыргулово как раз таки и была деревней, в которой жили татары, поселившиеся в Катайском остроге, но впоследствии вынужденные отсюда уйти. В ведомстве Каменской слободы в самом начале XVIII в. существовала деревня Сюнгильская⁶⁰.

Большинство поселившихся в перечисленных четырех деревнях на Синаре и Багаряке до этого жили на Южном Урале – «в Уфимской провинции», определить, где именно, пока не представляется возможным, поскольку по названию локализовать место расположения поселения на начало XVIII в. практически нереально, за редким исключением. К таким исключениям относятся уже упоминавшиеся Ичкинские и Терсютские (Терсякские) юрты. Из последних в деревню Новую переселились 6 человек, в том числе сотник ясачных татар Марзагул Исенбаев. По их сообщению, они ушли от разорения русской «вольницы»⁶¹. Но «вольница» – отряды из рус-

ских крестьян – созывалась обычно во время башкирских восстаний, когда сил регулярной армии не хватало для борьбы с восставшими. Поэтому «переезд» татар из Терсютских юрт в Новую деревню произошел, скорее всего, в период восстания 1705–1709 гг., т.е. чуть раньше, чем они указали при опросе.

До 1754 г. татары Усть-Багаряцких юрт платили «пятигривенный ясак», который в тот год был с них снят и тогда же была отведена в их владение земля, на которой они до этого жили⁶². Фактически с этого года и возникает группа служилых татар Усть-Багаряцких юрт, которая включила в себя как бывших ясачных татар, так и мишарей, проживавших в деревнях, расположенных в нижнем течении Синары и Багаряка. Но при официальном названии «татары Усть-Багаряцких юрт» и при огромном численном перевесе ясачных татар «на выходе» (в XIX – начале XX века) у людей, входивших в эту группу, сформировалась мишарская идентичность. Что характерно, к мишарям себя относили жители тех самых деревень Османовой (Усмановой), Новой и Нижней. Причем Н.Ю. Зограф пишет о них: «По сказаниям самих Мещеряков они результат смешения двух племен – местного и пришлого»⁶³. То, что большинство населения этих деревень отнесли себя к мишарям в 1920-х гг., отмечает также Д.М. Исхаков⁶⁴. Почему мишарская идентичность перевесила – неизвестно.

Небольшое дополнение – среди ясачных татар Усть-Багаряцких юрт было некоторое количество русских, либо православных, либо потомков православных людей. Приведу в качестве примера несколько имен: Савелий Мокшин и Усейн Тимофеев в деревне Асмановой⁶⁵, Аднабай Иванов, который пришел в Нижнесинарскую из деревни Ивановой⁶⁶, ну и старши-

на ясачных татар носил имя Иктабан Степанов⁶⁷. Это не исключительная ситуация – носители русских отчеств и имен встречаются и среди жителей других деревень, в частности, ичкинских татар. В случае с ичкинцами есть совершенно замечательный пример, когда татарина зовут Иван Иванаев, а другого Упазай Иванов⁶⁸. Некоторые из этих людей явно были не татарами по происхождению (Савелий Мокшин), а вот в отношении других ситуация не ясна. Возможно, это были крещеные различного происхождения, включавшиеся в процесс формирования групп местных татар. Не исключен вариант, что православные имена давались в качестве своего рода «оберегов», как у русских называли детей Ненаш, Найдан, Ибрагим. То есть чужое, «неправильное» имя должно было защитить человека. Кто-то мог быть из крещеных татар, вновь обратившихся в ислам. Делать однозначные выводы пока рано.

Немного о тех, кого называли «служилые мещеряки». Эти люди, попавшие в Южное Зауралье в разное время, жили в разных деревнях. Они были объединены в рамках команды, возглавлял которую в 1730–1740-х гг. Муслим Аширов, который в некоторых документах назван «полковником». 1736 г. – разгар башкирского восстания, вызванного деятельностью Оренбургской экспедиции И. Кирилова. Служилые мещеряки и ясачные татары, проживавшие в северо-восточной части тогдашней Уфимской провинции, обратились к майору Енисейского пехотного полка Шкадеру с просьбой – они просили, чтобы им было дозволено, в случае возникновения опасности, уйти с семьями жить в ближайшие русские слободы⁶⁹. Кроме изложения просьбы мишарей и татар в деле содержатся также «реестры», т.е. списки, составленные по деревням⁷⁰. Вполне возможно, что

реестры неполны – по характеру их заполнения видно, что составлялись они довольно сумбурно, дается список жителей деревни, затем, после описания населения еще нескольких селений, вставлен еще кто-нибудь из первой деревни, забытый первоначально. Но в целом списки, видимо, верны. На основании этого документа составлена таблица, где указаны деревни и количество душ мужского пола в них. Часть деревень была со «смешанным» населением – Алчаева, Новая, Улугуш. Три деревни с чисто татарским населением (по крайней мере, о проживании в этих деревнях кого-либо еще, кроме ясачных татар, в документе не упоминается). 11 мещеряцких деревень, из которых в четырех было по одному двору, в одной – два двора, в остальных – от шести до одиннадцати дворов. Кроме этих деревень в этом же районе Зауралья имелись и другие поселения, населенные служилыми мещеряками и ясачными татарами, в частности, Усть-Багаряцкие юрты, о которых говорилось выше. Так, в Усть-Багаряцкой деревне в 1736 г. было 22 двора служилых мещеряков, хотя возможно, что население было смешанным⁷¹. В другом документе упоминаются три Усть-Багаряцких юрта, то есть деревни, в которых жили ясачные татары. В приведенном там же списке обозначено 40 человек мужского пола. Список далеко не полон, поскольку указаны лишь взрослые мужчины, у которых, прикрываясь вымышленным указом, русская вольница, набранная для подавления башкирского восстания, реквизировала оружие и конскую упряжь⁷². Кроме того, была деревня-одnodворка на озере Терикуль, на землях Теченской слободы, где проживал мещеряк по имени Ибрай⁷³. Таким образом, понятно, что список деревень и персоналий, представленный в вышеупомянутом «реестре», неполон, и мы

на сегодняшний день не можем даже приблизительно указать, сколько населенных пунктов осталось за рамками этого списка. Тем не менее мы имеем возможность, определить хотя бы некоторые небашкирские деревни по состоянию на 1736 г. На основании этих реестров была составлена таблица, где сведены воедино данные по разным деревням.

Сложно сказать, когда реально сложилась ситуация, вынудившая мещеряков и ясашных татар, а также остальное небашкирское население уйти в русские слободы, но насколько

можно судить, это случилось весной-летом 1736 г. Об уходе небашкирского населения из своих деревень и о разорении их прежних жилищ свидетельствуют некоторые документы. В августе 1736 г. В.Н. Татищев послал в Сибирское губернское правление промеморию, где констатировал, что башкиры повинились и «мещерякам прежняя жилища в покое оставлены»⁷⁴. В начале того же августа В.Н. Татищев писал А.И. Тевкелеву: «Мещеряки и ясашные как вам известно, что оставя дома свои жили в русских деревнях лето все против во-

Таблица 1

Список деревень «служилых мещеряков и ясашных татар» в северо-восточной части Уфимской провинции, в 1736 г., по документу ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 626а. Л. 128–133 об.

Деревни ясашных татар	Деревни служилых мещеряков	Татары, душ м.п.	Мещеряки, душ м.п.	Всего душ м.п.
Алчаева	Алчаева	20 (11 семей)	24 (13 семей)	44
	Арыкова		1	1
	Атикчи		15 (8 семей)	15
	Епарово (Япарова?)		1	1
	Еумбаево		13 (6 семей)	13
	Карабулак		30 (11 семей)	30
Кутукаева		4 (1 семья)		4
Кызылташева		41 (22 семьи)		41
	Мишли		1	1
Новая	Новая	28 (12 семей)	20 (11 семей)	48
	Нурасва		18 (10 семей)	18
	Пермяково		1	1
	Токшакова		2 (2 семьи)	2
	Тюбук		21 (9 семей)	21
Улугуш	Улугуш	22 (12 семей)	26 (10 семей)	48
	Уразаева		20 (8 семей)	20
Шешма		25 (11 семей)		25

ров служили и во отлучение их дома от воров позжены, кони скот и пожитки пограблены, жалованье же им дано от меня толко по полтора рубли, и более без указа дать не смею, того ради они все отпущены в дома чтоб могли есче что либо посеять и сен приготовить, а в поход их без крайней нужды не требовать»⁷⁵. Тевкелев в это время командовал сводным отрядом, который, помимо прочего, занимался обустройством новых крепостей в Южном Зауралье, на дороге от слобод до Верхояицкой пристани (сегодня г. Верхнеуральск). В 1736 г. было построено три крепости: Чебаркульская, Миасская и Челябинская.

В августе 1736 г. Татищев, очевидно, передал Тевкелеву рекомендацию генерал-поручика А.И. Румянцева – рядом с новопостроенными крепостями селить «черемис, мещеряков и протчих», на что Тевкелев отвечал, что «на оное покорно доношу при мне означенных иноверцов ныне никого нет, да и за нынешним их разорением сей осени никак им строением управится не уповаю»⁷⁶. Сомнение полковника было вполне понятно, поскольку письмо он получил 20 августа и возможности отстроиться у помянутых мещеряков и марийцев на самом деле не было, а учитывая, что они были разорены и снабжать их продовольствием никто не собирался, особого смысла немедленно селить их у крепостей не было.

Итак, мещеряки в 1736 г. вернулись к прежним своим жилищам, точнее к руинам. Поскольку башкирское восстание продолжалось, проблемы мишарей также не закончились. Между тем, согласно п. 1 Указа «Ея Императорскаго Величества» от 11 февраля 1736 г., «Служилым Мещерякам, от Башкирцев быть отдельно, и за их верность и службу... земли угодьи те, коими они по найму у Башкир владели, а те Башкирцы были в воровстве,

в бунте: те дать им вечно безоброчно, указные дачи, первому Старшине 200, Ясаулам, писарю, Сотникам по 100, рядовым по 50 четвертей, и за претерпенной убыток от воров Башкирцев, обещать награждение»⁷⁷. Однако, как справедливо отмечал В.Э. Ден, позиция правительства вскоре претерпела изменения⁷⁸. В указе от 17 марта 1738 г., адресованном В.Н. Татищеву, тогда уже руководившему Оренбургской экспедицией, говорилось следующее: «а переводом Мещеряков в другия места и особливия деревни обожждать...»⁷⁹.

Для прояснения дальнейшей истории служилых мишарей может послужить ряд документов, обнаруженных в фонде Челябинской уездной Нижней расправы Объединенного архива Челябинской области. Первый документ, сохранившийся в копии в деле 1785 г., датирован 20 мая 1742 г. Это указ Исетской провинциальной канцелярии об отводе земель служилым мещерякам Исетской провинции. Как большинство документов такого рода, указ содержит подробное описание истории вопроса, которую я вкратце постараюсь воспроизвести. В документе, в частности, рассказывается о содержании 11-го пункта наказа, данного тайным советником В.Н. Татищевым полковнику и воеводе Исетской провинции И.Н. Татищеву в 1738 г.⁸⁰. В приведенном выше фрагменте из Высочайшего указа от 17 марта 1838 г. четко сказано о том, чтобы мещерякам пока довольствоваться теми землями, которые они занимали. В.Н. Татищев под предлогом того, что «понеже за Уралом мещеряков (и) ясашных малое число и жили между башкирцами а не особливыми деревнями и для того оных мещеряков и ясашных велено перевести и поселить за крепостми к Тоболу в удобных местах немалыми деревнями»⁸¹. Как видим, В.Н. Татищев несколько

лукавил, поскольку из рассказанного выше видно, что мещеряки и ясачные татары чаще всего жили отдельными от башкир деревнями. Но дальнейшее проживание на прежних местах фактически лишало их возможности получить все обещанные в указе 1736 г. возмещения понесенного ущерба и награды за службу. Поэтому господин тайный советник изобретает незатейливую уловку, позволяющую обойти прямую рекомендацию Анны Иоанновны. Восстание закончилось лишь в 1740 г., и переселение мишарей к Тоболу было в этих условиях далеко не лучшим выходом из положения. Да и позже, до окончания обустройства Уйской и Сибирской линий крепостей, территории по Тоболу оставались самыми опасными в силу их пограничного положения. В 1739 г. В.Н. Татищев направляет в Кабинет ЕИВ представление, где оговаривает и необходимость наделения землей мещеряков, татар и чувашей. И уже преемнику Татищева на посту начальника Оренбургской комиссии, генерал-лейтенанту князю Урусову «от 20-го августа того ж году между прочим в 10-м пункте написано о взятых у башкирцев землях и об отдаче мещерякам за их верности и чтоб оными землями им мещерякам впредь владеть вечно без платежа ясака и о поселении мещеряков татар и чуваш особыми деревнями быть по представлению оною тайного советника Татищева: И ТОГО РАДИ ПО ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА УКАЗУ генералом лейтенантом князем Урусовым определено чтоб по прошению мещеряков старшины Муслюма с товарищи о поселении их внутрь от крепостей по лежащей к Оренбургу дороге, по речке Тече вверх по обе стороны, с таким от крепости расстоянии, чтоб не захватить подлежащих крепостям земель и угодий»⁸².

Итак, в 1742 г. служилым мещерякам во главе со старшиной (полковником) Муслюмом Ашировым отвели землю по р. Теча, а также большой участок к северу от нее – граница проходила по озерам Чебачье, Уелги, Аликуль. С запада и севера отвод граничил с землями башкир Бала-Катайской волости, с юга – с землями Челябинской и Миасской крепостей, с востока – с территорией Теченской слободы (Русская Теча)⁸³. Всего должно было переселиться 100 дворов служилых мишарей⁸⁴. На этой территории возникли мещеряцкие деревни Муслюмова, Курманова, Кунашакова, Борисова⁸⁵ и Субина (на оз. Тышки)⁸⁶. Во вновь образованные селения переселялись люди из многих деревень, перечисленных в таблице. Несколько позже (очевидно, в самом конце 1740-х гг.) мещерякам была отдана земля по левому берегу реки Чумляк (сегодня территория Сафакулевского района Курганской области). В наказе в Уложенную комиссию, составленную весной 1767 г., они писали: «...землями довольствоваться велено по речкам Тече и Чульмяке (Чумляку. – Г.С.), по которым грани (межевые знаки, границы. – Г.С.) учинены»⁸⁷. Территория, отведенная людям сотника Муслюма Аширова на реке Тече, получила название Мещерятская волость, она же Верх-Теченская – последнее название использовалось чаще.

Хотя земля по Чумляку (точнее, по левому берегу р. Чумляк) и входила в состав земель, отведенных мишарям, но до ликвидации Исетской провинции, то есть до 1781 г., они осваивали в основном территории по Тече, у озер Кунашак и Тышки (Тишки). Ситуация изменилась, когда территории севернее Течи отошли к Пермскому наместничеству (1781 г.), а Челябинск оказался в Уфимском наместничестве (1782 г.). В 1782 г. прекращает свое существование в прежнем виде

и Оренбургская губерния, – в губернии вводится наместническая форма правления (Уфимское наместничество). Напомню, что недолгое время, до 1782 г., вновь созданный Челябинский уезд также был причислен к Пермскому наместничеству, а затем передан в Уфимское наместничество. В Исетской провинции значительная часть служилых мишарей, обитавших на этой территории с XVII – начала XVIII вв., жила в северной части: компактная группа в районе р. Течи и озер Кунашак, Тишки, Уелги, в деревнях на рр. Синара, Багаряк, Караболка. Но, видимо, на территории нынешнего Сафакулевского района к этому времени (1780-е гг.) уже существовали мишарские поселения. По крайней мере некоторые аргументы в пользу такой версии есть.

В 1782 и в 1783 гг. мишарям, жившим в деревнях Муслимовой, Кунашаковой и Курмановой были выданы два «билета» – документы на переселение из Далматовской округи, в которой эти деревни оказались, в Челябинский уезд. Один билет был на семьдесят дворов, второй на тридцать, всего должно было переселиться сто дворов. Поселиться они должны были на «вновь пожалованной земле»⁸⁸, очевидно, земля, отведенная после указа 1742 г., считалась вновь пожалованной. В 1784 г. пятьдесят шесть дворов из ста в «оставшие в здешней Челябинской округе мещеряцкия деревни Мансурову, Карасеву, Атжитарову и состоящую при озере Тишки Чибину (Субину. – Г.С.) переселились»⁸⁹. То есть перечисленные деревни уже существовали, просто при разделении территории между уездами они остались в Челябинском уезде. Точнее, Аджитарова и Мансурова существовали и до этого, а вот деревня на озере Карасу (Карасева) в 1783 г. указана как «вновь поселенная»⁹⁰. Прочие мишарские деревни

(Какчерлино, Сафакулево, Сюлюклино), видимо, возникли несколько позже. И переселялись туда как те сорок четыре семьи мишарей, которые оставались в старых деревнях Муслимово, Кунашак и Курманово, так и другие семьи, которые к тому времени уже перебрались было поближе к Верхнеуральску, но решили вернуться в привычные края.

Часть «служилых мещеряков» Исетской провинции, не желая выходить из Оренбургского ведомства, еще в 1780 г. ходатайствовала о переселении к Уклы-Карагайской и Уйской крепостям. В том же году они получили разрешение, и сорок дворов, во главе со старшиной Габди (Абди) Бектемировым и ахуном Абдуллой Муслимовым сыном (Муслимовичем) Даушевым, перебрались к верховьям р. Урал⁹¹. Вернее, поначалу перебрались мужчины, оставив семьи на старом месте. Но вскоре выяснилось, что Челябинский уезд переведен из Пермского в Уфимское наместничество (то есть фактически в прежнюю Оренбургскую губернию) и часть переселенцев просила об «оставлении жительством на прежних их землях в Челябинском уезде»⁹². Абдулла Муслимов сын (Муслим улы, углы) Даушев и являл собой один из редких примеров наличия фамилии у тюркского населения Зауралья. Объясняется это, скорее всего, его происхождением (мурза, то есть знатного рода) и тем, что он был депутатом Уложенной комиссии 1667–1668 гг. – фамилия стала нужной во время пребывания в столице.

В результате на новом месте, на Верхоуральской дистанции, осталось 19 семей, в которых было более 50 мужчин, а возглавлял их «ахун и депутат, Абдул мурза Муслимов сын Даушев». Судя по всему, именно эта группа положила начало большому селу Ахуну, которое существует и

сегодня в Учалинском районе Республики Башкортостан. 21 семья, во главе со старшиной Абди Бектемировым, решила вернуться в Челябинский уезд. Часть из них перешла в деревни формирующейся Мещерятской волости на реке Чумляк.

А кроме этого, были и другие группы переселенцев. В 1786 г. в Челябинский нижний земский суд пришел приказ Уфимского наместнического правления, в котором говорилось о 12 служилых татарах, которые перешли из Симбирского наместничества в Уфимское. В указе предписывалось выяснить, положены ли они в подушный оклад по последней ревизии (переписи населения). К сожалению, в том документе, который мне удалось найти, указана фамилия лишь одного (возможно, старшего, инициатора переселения) – Алтынбай (Алтунбай) Абселимов. Куда именно они поселились – в деревни ичкинских татар или служилых мещеряков, мы не знаем. Но такая группа была явно не одна, хотя и массовое переселение из Поволжья на эти территории приходится уже на XIX в. Еще одним источником «пополнения» как мещеряков, так и башкир были казахи, пожелавшие уйти из степи. Их селили в деревнях башкир и мишарей с освобождением от повинностей на 10 лет (видимо, в течение 10 лет они не несли линейной, почтовой и прочих служб). Например, в деревне Аджитаровой в 1811 г. было 4 человека поселившихся из казахов, в Сафакулево – 5 человек⁹³.

Однако не все мишари и ясачные татары переселились в середине XVIII века из прежних деревень в новую волость. Жители деревни Карабулак получили право на потомственное владение землями. Согласно заявлению представителя мишарской Караболки, сделанному в 1781 г., при проверке межевых границ территорий, Мустафы Аликеева: «От оной же речки Тур-

гаку начнетца их Караболское владение, уступленное им от Мякотинской волости башкирцов, вечное владение из оброку, по указу из Исетцкой провинциальной канцелярии 1744-го году марта 20-го числа»⁹⁴. Сегодня это село Татарская Караболка в Челябинской области.

Несколько иначе сложилась судьба другой деревни служилых мещеряков – Тюбук. Из живших в ней в 1744 г., родившихся в Тюбуке не было, а самые первые переселенцы пришли в эту деревню за 39 лет до этого. В 1744 г., очевидно, на основании того же указа Исетской провинциальной канцелярии, что и Карабулак, жители Тюбука получили право на потомственное вечное владение землями из оброку. Основанием для этого назван уже упоминавшийся указ 1736 года, позволявший покупать землю у башкир. Предполагалось, что в деревне будет 80 дворов⁹⁵. В таблице 1 на 1736 г. указано 9 дворов в деревне Тюбук, в 1744 г. их было уже 18. В 1750 г., по договоренности между башкирами Мякотинской волости и служилыми мишарями деревни Тюбук, часть земель, ранее переданная мишарям, отдавалась под поселение крестьянам Арамильской слободы, которые собирались поселиться в Тюбуке в 15 дворов. Одной из причин стало то, что мишари платили ежегодно по 16 рублей оброку, исходя из заявленного количества в 80 дворов, а в реальности их было гораздо меньше⁹⁶. Впоследствии мишари покидают Тюбук. Сказать точно, когда это произошло, я пока не могу – не выявил документы. В 1754 г., при описании купленных Н. Клеопиным у башкир Салзаутской (Сальютской) волости земель, в качестве одного из ориентиров указывается «деревня Тюбуцкая мещеряцкая»⁹⁷. Возможно, земля, на которой располагался Тюбук, была продана башкирами вскоре после

этого. Жители ее, очевидно, расселились в разные места. Уже в то время часть служилых мишарей переселилась в район Верхояицкой крепости (нынешний Верхнеуральск) – сегодня это Учалинский район Республики Башкортостан. Возможно, туда ушла и часть мишарей из Тюбука. Впоследствии Тюбук стал владельческим селом, второе его название Богословское, по построенной там церкви. П.С. Паллас в 1772 г. застал лишь воспоминания о том, что раньше это была татарская деревня.

Хотелось бы привести небольшой сюжет, который показывает, что в XVIII веке обозначения «татарин» и «мещеряк», точнее, их несовпадение могло быть использовано для достижения определенных выгод. В 1786 г. ичкинские татары из деревень Могильной, Резяповой и Цаликуль обратились в Челябинский уездный суд с прошением. Суть прошения была в том, чтобы с них не взимали денег на содержание почтовой гоньбы, которые собирали с башкир и служилых мещеряков. При проверке выяснилось, что в прежние годы с ичкинских татар таковые деньги не собирались. А в указе Сената 1757 года, на основании которого осуществлялись эти сборы на содержание почт, «повелено оной сбор чинить с одного башкирского и мещерятского народа»⁹⁸. В связи с чем Уфимское наместническое правление повелело выяснить «подлинно ли означенные просители служилые татар и прежде сего с них такового на содержание почтовых станций сбору не происходило, и естли подлинно найдется что они такового роду, то их от взыскания тех денег... избавить»⁹⁹. Насколько можно судить, они своего добились. Эта история имела свое продолжение. Д.М. Исхаков пишет о том, что в 1824 г. ичкинские татары подали прошение о том, чтобы их не причисляли к «мещерякам», поскольку

ку это не по «их роду» и чиновник, разбиравший дело в 1827 г., признал их доводы состоятельными¹⁰⁰. Подобное прошение, скорее всего, имело вполне простое экономическое объяснение: именно в этот период от земель Мещерятской (Карасевской) волости Челябинского уезда «отрезывались ... в казенное ведомство земли в разных годах»¹⁰¹. Ичкинцы, жившие в том же уезде и в общем-то получившие землю на тех же основаниях, что и мещеряки, могли пытаться «отмежеваться» от них, чтобы их земли не постигла та же участь. Благо, что опыт уже был. И очевидно, у них получилось – в отличие от Карасевской волости земли Ичкинской (Могильской) волости на картах 1874 и 1894 гг. показаны как вотчинные¹⁰². Объяснение этого довольно простое – чиновники, разбиравшие дела, должны были следовать букве законов, на которые они опирались в своих решениях. И в этом случае то, что касалось служилых мещеряков, не относилось к служилым татарам, поскольку в документах упоминались именно мещеряки (я имею в виду именно конкретные случаи со сборами на содержание почт и решение о том, что мещеряки не являются вотчинниками). Поэтому различие в названии могло являться не только внешним, принципиальным отличием групп родственного населения, но и повлечь за собой некоторые последствия, в том числе довольно существенные.

Завершая, хотелось бы отметить, что по нашим территориям пока идет накопление материала по истории тюрков. Для Южного Зауралья (Зауральской Башкирии) мы располагаем слишком маленьким объемом конкретной информации по населению и расселению тюрков даже для середины XVIII в., не говоря уже о более раннем периоде. Поэтому сейчас стоит задача сбора информации и посте-

пенного продвижения сверху вниз – к XVII и XVI вв. И пусть сегодня мы еще довольно мало знаем о том, как формировалось татарское население Южного Зауралья, уже понятно, что возможности изучения есть и перспективы если не радужны, то вполне обнадеживающи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы волго-уральских татар: опыт системного анализа // Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. – Казань: Изд-во ПИК «Дом печати», 2002. – С. 75–96, 110–130.

² ПСЗ–I. Т. I. № 1.

³ ПСЗ–I. Т. IX. № 6890.

⁴ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. – Уфа, 1996; *Акманов И.Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII вв. – Свердловск, 1991; *Акманов И.Г.* Башкирские восстания. – Уфа, 1993; *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. // Исторические записки, Т.24. – М., 1947. – С. 30–110.

⁵ *Пузанов В.Д.* Военно-политические факторы колонизации Приисетья. – Шадринск: ПО «Исеть», 2001. – С. 8.

⁶ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, дополненное / Ред. кол. Батянова Е.П., Вайнштейн С.И. и др. – Т. II. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – С. 196

⁷ Материалы по истории Башкирской АССР / Отв. ред. А. Чулошников. – Часть I. – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. – С. 150; *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. Т. II. – С. 194–196.

⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С.92–93.

⁹ *Шишонко В.* Пермская летопись, 1263–1882 гг. Третий период, 1645–1676 гг. – Пермь, 1884. – С. 685, 692–693.

¹⁰ Там же. С. 688; *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. Т. III. – С. 438–439; Материалы по истории... С. 159, 161–162.

¹¹ *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. Т. III. – С. 439.

¹² *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. Т. III. – С. 438–439; *Шишонко В.* Указ. соч. – С. 685, 692–693.

¹³ *Шишонко В.* Указ. соч. – С. 685.

¹⁴ *Шишонко В.* Указ. соч. – С. 693.

¹⁵ *Шишонко В.* Указ. соч. – С. 685.

¹⁶ Материалы по истории... – С. 159.

¹⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. – Часть I. С. 195–196, № 63.

¹⁸ ОГАЧО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 1015.

¹⁹ История Курганской области. Том 5. – Курган: Курганское областное общество краеведов, 1999. – С. 287–289.

²⁰ *Паллас П. С.* Путешествие по разным местам Российского государства. Т. II. Кн. I. – СПб.: При Императорской Академии наук, 1786. – С. 471.

²¹ *Самигулов Г.Х.* От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости / Ред. Таиров А.Д. – Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2011. – С. 30–35.

²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 1444. Л. 73 об. – 106.

²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 1444. Л. 73 об.

²⁴ ДАИ. Т. IV: 1655–1664. 1851. – С. 224, № 84.

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 1062 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 1062 об. – 1063 об.

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 1065.

²⁸ ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1030. Л. 4.

²⁹ ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1030. Л. 3 об.

- ³⁰ ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1030. Л. 3 об. – 4 об.
- ³¹ РГАДА. Ф.214. Оп.5. Д.434. Л. 649–655 об.
- ³² РГАДА. Ф.214. Оп.5. Д.434. Л. 696.
- ³³ ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1030. Л. 3 об.
- ³⁴ ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 42. Л. 8 об.
- ³⁵ ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 114. Л. 3.
- ³⁶ *Паллас П. С.* Путешествие по разным местам Российского государства. Т. II. Кн. II. – СПб.: При Императорской Академии наук, 1786. – С. 30–31.
- ³⁷ ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 80. Л. 20.
- ³⁸ ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 109. Л. 401.
- ³⁹ ОГАЧО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 1015.
- ⁴⁰ ОГАЧО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 1015.
- ⁴¹ История Курганской области. Том 5. – С. 387–288.
- ⁴² П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург: Оренбургское отделение ИРГО, 1887 г. – С. 370.
- ⁴³ НИА СБДИИ РАН. Ф. 3. Оп. 10а. Д. 165. Л. 155.
- ⁴⁴ ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1030. Л. 9 об.
- ⁴⁵ ГАПК. Ф. 278. Оп. 1. Д. 472. Л. 4 об.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 291–293; ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 76. Л. 103–106 об.
- ⁴⁷ Собственно, имя «Усман» также вплоть до XIX в. передается как «Осман» или «Асман»
- ⁴⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 293; ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 76. Л. 105 об.
- ⁴⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 297 об.–301; ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 76. Л. 106 об.–109 об.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 301 об.–304; ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 76. Л. 109 об.–111.
- ⁵¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 304 об.–305; ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 76. Л. 111.
- ⁵² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 626а. Л. 584–585.
- ⁵³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 626а. Л. 585.
- ⁵⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 296 об.; ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 76. Л. 107.
- ⁵⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 291 об.; ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 76. Л. 103 об.
- ⁵⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 441.
- ⁵⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 297 об.; ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 76. Л. 107 об.
- ⁵⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 297–299 об.; ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 76. Л. 107–108.
- ⁵⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 291–291 об.; ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 76. Л. 103–104.
- ⁶⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 296 об.–297; ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 76. Л. 106 об.–107.
- ⁶¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 301 об.; ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 76. Л. 106 об.–109 об.
- ⁶² *Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М.* Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. – Уфа: Китап, 2005. – С. 261–262.
- ⁶³ *Зограф Н.Ю.* Антропологический очерк мещеряков Зауральской части, Пермской губернии. – М., 1879. – С. 1, 13.
- ⁶⁴ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы... – С. 85.
- ⁶⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 293–294.
- ⁶⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 299 об.
- ⁶⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 302.
- ⁶⁸ РГАДА. Ф.214. Оп.5. Д.434. Л. 653 об.–654.
- ⁶⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 626а. Л. 126–127.
- ⁷⁰ Там же. Л. 128–133 об.
- ⁷¹ Там же. Л. 585.

⁷² Там же. Л. 594–595 об.

⁷³ РГАДА. Ф. 199, Оп. 1, Д. 481, Л. 153.

⁷⁴ ГАГШ. Ф. 224. Д. 182. Л. 26.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 34. Л. 187.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 1532. Л. 563 об.

⁷⁷ ПСЗ – I. Т. IX. – С. 742.

⁷⁸ *Ден В.Э.* Население России по пятой ревизии, т. 2, ч.2. – М., 1902. – С. 273.

⁷⁹ ПСЗ, т. X, с. 444–445.

⁸⁰ ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 106. Л. 15 об. В документе указан 1735 г. – явная ошибка при копировании (переписывании) документа, поскольку наказ явно был написан в тот период, когда В.Н. Татищев возглавлял Оренбургскую экспедицию, а полковник И.Н. Татищев был воеводой Исетской провинции, т.е. в период с осени 1737 г. по осень 1738 г. Дата 1735 г. появилась, возможно, в силу того, что в запросе из Уфимской нижней расправы, с требованием предоставить копии документов об отводе земли мешчерякам, чувашам и пр. ясашным, было указано распоряжение В.Н. Татищева воеводе Исетской провинции полковнику Татищеву 1735 г. (Там же. Л. 1–9). Служители Челябинской нижней расправы, очевидно вольно, или невольно, «подтасовали» дату, подстраиваясь под запрос «сверху». Надо лишь добавить, что в 1735 г. было лишь начало башкирского восстания и основная масса событий, повлекших за собой появление указов и распоряжений, упомянутых в документе, просто еще не произошла.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. Л. 15 об.

⁸³ ОГАЧО. Ф. И-115, Оп. 1. Д. 106. Л. 17–20.

⁸⁴ Там же. Л. 15.

⁸⁵ ГАПК. Ф. 297. Оп. 2. Д. 310. Л. 23.

⁸⁶ *Самигулов Г.Х.* Территория Сафакулевского района в XVII – начале XIX века // Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века). Монография / под ред. Д.Н.Маслюженко. – Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2012. – С. 54 – [Электронный ресурс] – http://if.kgsu.ru/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=7&Itemid=38

⁸⁷ *Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М.* Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. – Уфа: Китап, 2005. – С. 258.

⁸⁸ ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–1 об.

⁸⁹ ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 88. Л. 2–2 об.

⁹⁰ ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 80. Л. 20.

⁹¹ ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁹² ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁹³ ЦГИАРБ. Ф. 129. Оп. 2. Д. 138. Л. 50, 57.

⁹⁴ И-172, Оп. 1, Д. 81, Л. 28, Челябинская старина: Лингвистическое краеведение на Южном Урале, вып IX. – Челябинск, 2008. – С. 71.

⁹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 329 об. – 333.

⁹⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1322. Л. 111–113 об.

⁹⁷ ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 44. Л. 73.

⁹⁸ ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 107. Л. 352–352 об.

⁹⁹ ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 107. Л. 352 об.

¹⁰⁰ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы... – С. 85.

¹⁰¹ ОГАЧО. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 65. Л. 15–17.

¹⁰² ОГАЧО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 23, Д. 24.

Аннотация

В статье рассматривается слабо изученный на сегодняшний день процесс формирования локальных этнических групп татарского народа в Южном Зауралье. Сложение этих групп приходится на конец XVII–XVIII в. (багарякские и ичкинские татары), либо преимущественно на XVIII в. (мешчеряки). Настоящая статья предлагает общую схему

процессов, при этом многие важные моменты остаются вне поля нашего «зрения». Это обусловлено состоянием источниковой базы. Необходимо отметить, что важную роль в формировании упомянутых сообществ сыграло государство, включив их в служилое сословие и закрепив за каждой из этих групп земли. Очевидно, именно сочетание таких факторов, как сословное единство и наличие «своей» территории, сделало возможным сплочение далеко не однородных изначально групп в коллективы, обладающие локальным самосознанием, сохранившиеся до наших дней. При этом не следует воспринимать эти процессы как совершенно одинаковые для каждого из сообществ, как нечто «линейное» и детерминированное. Как видно из документов, к дифференциации разных групп, хотя бы в названии, могли привести совершенно простые причины, такие как освобождение от определенных повинностей. В целом история багарякских, ичкинских татар и служилых мещеряков Южного Зауралья еще ждет своего изучения, как важная составляющая для понимания этнических процессов в Волго-Уральском регионе в целом.

Ключевые слова: этническая группа, сословие, ясачные, служилые, татары, мещеряки, башкиры.

Summary

The article concerns the poor-studied process of forming of local Tatar ethnic groups in the Southern Trans-Urals. Their forming falls on the end of 17th – 18th centuries (Bagaryak and Ichkin Tatars) or on 18th century (Mesheryaks). This paper suggests a general scheme of the process, although many important points still remain out of our focus. This problem is mainly determined by the condition of sources. It is necessary to note that the State played an important role in the formation of societies mentioned above, having included them to a *sluzhiloe* estate and assigned to every group the land. It is obvious that combination of the estate unity and “own” territory consolidated multivendor groups in the collectives, having local self-consciousness which they kept to our time. But we should not interpret these processes as identical for all societies, as something “linear” and “determined”. Based on written sources we can clearly see that quite easy reasons such as exemption could lead to differentiation of these groups at least in these names. Thus, history of Bagaryak and Ichkin Tatars and sluzhilye Mesheryaki of the Southern Trans-Urals is still waiting for its investigation because it is an important component for our conception of ethnic processes in the Volga-Ural area.

Key words: ethnic group, estate; yasachnye; sluzhilye; Tatars; Mesheryaki, Bashkirs.